

Чепьюк Ольга Ростиславовна

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕССУБЪЕКТНОСТЬ КАК ФАКТОР
ДЕГУМАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

09.00.11 «Социальная философия»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Диссертация выполнена на кафедре философии физического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Научный консультант: доктор философских наук, профессор,
Фортулатов Антон Николаевич

Официальные оппоненты: **Осипов Юрий Михайлович**,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник научно-исследовательской
лаборатории философии хозяйства экономического
факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Грехов Александр Васильевич,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Приволжский
исследовательский медицинский университет»

Сулима Игорь Иванович,
доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой
философии и теологии ФГБОУ ВО «Нижегородский
государственный педагогический университет имени
Козьмы Минина»

Ведущая организация: Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской
Федерации».

Защита состоится «26» февраля 2021 года в 14 часов на заседании диссертационного
совета Д 212.166.04 при Нижегородском государственном университете им. Н.И.
Лобачевского по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д.23, к.2, ауд.
254 (Зал научных демонстраций).

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале фундаментальной библиотеки и
на сайте Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г.
Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, к. 1, <https://diss.unn.ru/1070>

Автореферат разослан «__» _____20__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Воронина Н.Н.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современное положение человека в социально-экономической сфере определяется двумя взаимно противоположными процессами. С одной стороны, наблюдается обширная экономизация общественной жизни. Перестав быть сугубо специфической, монетарно-производственной сферой, экономика оказывает преобразующее влияние на все области общественного воспроизводства, включая культуру, спорт, науку и образование, научно-технический прогресс. Глобальные вызовы, регулярно возникающие кризисы системы хозяйствования, социальная напряжённость и коммодификация различных сторон социальных отношений, прогнозы наступления технологической сингулярности и растущая «отчуждённость» всё заметнее превращают социально-экономическую жизнь в античеловеческий «проект». С другой стороны, всё чаще появляются призывы к возвращению индивида в центр производственно-экономических проблем, освещается проблема нравственного основания хозяйствования, лидерства, предпринимательства, пассионарности и гуманизма. В практике ведущих мировых компаний говорят о необходимости развития сотрудников как деятельных и активных личностей, лидеры отраслей неоднократно подчёркивают, что для процветания современной организации требуется осознанное включение субъекта, в стратегическую и проектную деятельность, максимальное использование его способностей и одарённости. На государственном уровне широко поддерживается предпринимательская и общественная инициатива граждан, что в перспективе может способствовать формированию эффективной системы социальной организации в России. В образовательной сфере – способность выпускника вуза к осознанной трансформации его профессиональной деятельности вводится в обязательную структуру итогового профиля компетенций.

Таким образом, под влиянием двух разнонаправленных социальных процессов, одновременно вытесняющих человека из области экономических решений, но при этом требующих его возвращения в круг социально-экономического воспроизводства для осознанного сопротивления процессам «разложения» и рассеяния, происходит трансформация самой структуры социально-экономических потребностей, существенное изменение интересов личности, что в конечном итоге влияет на современные формы ее присутствия в процессах общественного воспроизводства. Эти вопросы остаются за рамками междисциплинарной научной рефлексии и не находят прямых ответов в границах релевантных научных дисциплин, переживающих собственный методологический кризис. Прямые и опосредованные связи между развитием экономики и состоянием общественных отношений, материально-экономические факторы, детерминирующие социальные изменения, исследованы достаточно подробно и остаются в фокусе наблюдений различных социогуманитарных наук. Однако критики социально-экономического утилитаризма обращают внимание на то, что исследования нынешнего состояния общественного воспроизводства все больше замыкаются в границах, определяемых арсеналом математического аппарата. Например, растут в популярности когнитивные и вычислительные методы исследований в ущерб целостному подходу к оценке поведения человека в его социально-экономическом окружении. На месте прежних социогуманитарных подходов возникают новые тренды, отражающие современное состояние научной рефлексии по поводу детерминации поведения действующего субъекта, которые Ф. Майровски обозначил как «киборг-науку». Эта научная парадигма является косвенным отражением изменений в общественном воспроизводстве, в частности, в экономике, целенаправленно трансформирующей детерминацию социального поведения, выталкивающей личность, индивида на периферию социально-экономических процессов, оставляющей социуму лишь сомнительное «право» на бессмысленное потребление. В рамках такого сложившегося

образа мышления затруднительно предложить человеко-ориентированные ответы на экологические и социальные вызовы, продуцируемые современной системой хозяйствования. Глобальные кризисные явления, порожденные, в частности, такой системой обезличенного воспроизводства, получают, вследствие своего не ослабевающего, нарастающего воздействия, социокультурный статус «нормы», «неизбежного зла», расплаты за «благополучие» в потребительском обществе. Антикризисная политика, как правило, сводится к реализации непопулярных (античеловеческих по сути своей) мер, направленных на «спасение» современной модели социально-экономического воспроизводства, на снижение рисков потерь для основных участников общественных процессов. В этих условиях отдельный человек, домашнее хозяйство, и даже целые сообщества рассматриваются как «жертвы» сложившихся обстоятельств.

Специфика субъектного поведения и само положение человека в системе экономических отношений, как предмет исследования, становится особенно актуальным в связи с переходом к новому технологическому укладу, в рамках которого происходит цифровизация значимого большинства процессов общественного воспроизводства. «Проблема человека», которая входит в единую глобальную повестку науки XXI века, обретает новое осмысление в контексте экономики знаний, и особенно – «цифровой экономики». Её становление специалисты связывают с переходом общества к следующему технологическому укладу (четвёртая промышленная революция¹), и ожидаемым проникновением информационно-

¹ Четвёртая промышленная революция является следствием ожидаемого соединения промышленности и цифровых технологий. Это приведёт к созданию «умных» заводов и целых «умных» отраслей, в которых труд человека будет заменён роботами, а решения приниматься искусственным интеллектом. Эта концепция была впервые озвучена в 2011 году, на экономическом форуме в Давосе, его председателем и исполнительным директором, К. Швабе. См. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. What It Means and How to Respond. – Foreign affairs. – 12.12.2015. – URL://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution (accessed 14.07.2018).

коммуникационных технологий во все области социальной жизни². Несмотря на то, что хозяйственная жизнь является лишь одной из форм социальной жизни, именно отлучение индивида от материально-экономической компоненты в социальной коммуникации вызывает напряжённость в межсубъектных отношениях в этой сфере. Это можно считать одним из «больших вызовов», препятствующих гармоничному развитию современного мира и общественного воспроизводства, и такая ситуация драматично и болезненно переживается в современной России³.

Таким образом, в свете актуальных проблем цифровизации человека рождаются новые коннотации феномена «отчуждения результатов труда» (К. Маркс, Э. Фромм, Т. Адорно) – фундаментального критического концепта социальной философии, который рассматривается в исследовании в виде различных проявлений феномена бессубъектности. В свою очередь, на прикладном уровне актуальность исследования связана с разработкой метода социально-философского исследования явлений и феноменов общественного воспроизводства, что имеет значение 1) для определения вектора дальнейших

² В России наступление новой цифровой эры обсуждалось в рамках проекта «Национальной технологической инициативы» (Агентство стратегических инициатив), при построении дорожных карт новых рынков. Переход к новым реалиям цифровой экономики был зафиксирован в ряде законопроектов и программах Правительства РФ, таких как Постановление Правительства РФ «О реализации Национальной технологической инициативы» (Постановление Правительства РФ № 317 от 18 апреля 2016 г.); «Стратегия развития информационного общества на 2017-2030 гг.» (Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203), «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства РФ от 27 июля 2017 г.).

³ «Большие вызовы» были перечислены Президентом РФ, Владимиром Владимировичем Путиным, во время традиционного послания к Федеральному собранию 1 декабря 2016 г. Они были зафиксированы в «Стратегии научно-технологического развития РФ» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642). Согласно документу большие вызовы – это «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счёт увеличения ресурсов», (п.4 раздела I Стратегии). Одним из таких вызовов является «возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учётом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук» (п.20 Ж раздела II Стратегии).

исследований социальных процессов на принципах экономической гуманитарологии; 2) для развития образовательной сферы как мыслительного «буфера», в котором может быть дана всесторонняя оценка процессам «экономизации» и распространения калькулятивного мышления; 3) для выработки новых образовательных моделей в подготовке предпринимателей и воспитания лидерских качеств российских специалистов.

Степень научной разработанности проблемы. Философские проблемы хозяйствования освещались в трудах конца XIX-начала XX века, К. Маркса, Ф. Энгельса, а также С.Н. Булгакова, – который заложил основы системного социально-философского экономического мировоззрения. Их идеи получили развитие в исследованиях по философии хозяйства 1980-х гг. в работах П. Козловски, А. Риха. Немало философских обобщений содержится в работах самих экономистов Дж. М. Кейнса, А. Маршалла, Л. Мизеса, П. Самуэльсона, Й. Шумпетера, Ф. Хайека. Формированию социально-философского мышления в экономике способствовали социологи, философы и политологи – Д. Белл, Ж. Бодрийяр, Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, М. Хайдеггер, Г. Шиллер. Среди современных отечественных работ по философии хозяйства следует отметить труды Ю.М. Осипова, и его научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Кризис экономической науки, связанный с разрывом между теорией и практикой хозяйствования, в конце XX-начале XXI века вызвал значительный интерес к её методологическому и познавательному арсеналу, а также к проблеме экономического субъекта, в особенности – аксиологического влияния на экономические процессы модели «рационального человека» и её онтологизацию. Эти вопросы освещены в трудах М. Блауга, Ф. Майровски, У. Мяки, Дж. Кэя, в России – В.С. Автономова, О.И. Ананьина, В.А. Колпакова, Н.А. Печерских, В.Г. Федотовой. Отдельно следует выделить работы М. Каллона в области

экономической перформативности, исследования социокультурного феномена денег Н.Н. Зарубиной, а также концептуальные обобщения по философии экономики Д. Хаусманна.

Антропологические аспекты хозяйствования, трансформация личности, вступающей в экономические отношения, в западной философии исследовалась через призму морали (И. Кант, И.Г. Фихте), во взаимосвязи нравственных факторов и развития хозяйственной жизни (М. Вебер, Э. Дюркгейм), влияния культуры на общественное воспроизводство (В. Зомбарт). В русской философии эта тема тесно связана с проблематикой духовной жизни человека, его статусом как свободной, осознанной личности: таким образом раскрываются феномены предпринимательства, лидерства и пассионарности у И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, Н. Гумилёва, В. Соловьёва, П. Флоренского. Кризис духовности в обществе потребления, и как результат – становление общества «одномерного» человека, «массового общества» – отражены в работах зарубежных философов, которые вступают критиками глобально распространяющейся западной модели общественного развития – Х. Ортега-и-Гассета, Д. Соммера, Э. Фрома, О. Шпенглера.

Выводы работы в области гносеологических и онтологических аспектов философии хозяйства опираются на достижения классической философии: Аристотеля, Р. Декарта, Б. Спинозы; политической экономии: Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. С. Милля, А. Смита, Д. Рикардо; теории экономического роста и воспроизводства Н. Кондратьева, Л. Ларуша, Г. Лейбница, Ф. Листа, Г. Менша, С.Ю. Глазьева; феноменологии: Э. Гуссерля; теории коммуникации: П. Бурдьё, Х. Лассвелла, Н. Лумана, М. Маклюэна, Ю. Хабермаса, У. Шрамма, А.Н. Фортунатова, И.С. Мелюхина.

В поисках синергии гуманитарной и экономической мысли на современном этапе общественного развития, для которого характерно стремительное распространение информационно-коммуникационных

технологий в различных областях хозяйственной жизни, автор обращается к исследованиям в области информационного и постиндустриального общества: Э. Тоффлера, М. Кастельса, Г. Маркузе, Ф. Фукуямы; постклассической рациональности – В.С. Стёпина, В.Н. Поруса, Б. Пружинина, В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили; постмодернизма и трансгуманизма – М. Фуко, Р. Барта, Ж. Делёза, В.А. Кутырёва; гуманитарологии – В. Шепеля, Э. Шумахера, Е. Сабурова, В.А. Фортунатовой.

Целью исследования концептуальное осмысление принципов социально-экономической гуманитарологии, которая предлагает качественно новые методики исследования хозяйственных систем и раскрытия их гуманистического потенциала, а также обеспечивает выявление их приоритетных возможностей для утверждения позитивной социальной динамики, для формирования условий и перспектив развития человека и общества в контексте преодоления социально-экономической стагнации и кризиса современного потребительского мироустройства.

Поставленная цель исследования обусловила решение следующих **задач**:

- провести критический анализ экономической эпистемологии, перформативного влияния экономической науки на практику общественного воспроизводства, и сопутствующую этому влиянию трансформацию статуса субъекта социально-экономических отношений;
- провести социально-философский анализ коммуникативной природы экономики, и детерминированного ею дегуманизированного социально-экономического пространства (отчуждение результатов труда, калькулирующее мышление, экономизм), а также других явлений, сопутствующих становлению бессубъектной глобальной экономической псевдо-культуры;

- провести анализ влияния информационно-коммуникативных технологий на формы субъектности в экономической сфере, сформировать аксиологическую основу для оценки степени их воздействия на хозяйственную культуру и на принципы экономической коммуникации;
- концептуализировать социокультурные основания экономических кризисов, связанных с изменением статуса субъекта социально-экономических отношений и становлением феномена бессубъектности в общественном воспроизводстве;
- определить гуманистическое значение субъектных качеств лидерства и предпринимательства (как человекообразующего акта) в условиях глобализирующейся экономики и нарастающего отчуждения человека в системе экономической коммуникации;
- проанализировать и обобщить тенденции в аксиологии и праксиологии формирования предпринимательского мышления с учётом практики вузовского образования с точки зрения их гуманистического потенциала и воспитания активного субъекта хозяйствования в условиях модернизации, характерных для современной России и мира в целом.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили как современные междисциплинарные подходы к изучению социокультурных явлений, так и методологические и гносеологические основания классической философии, концепций экзистенциализма, синергетики, теории социальной коммуникации, социальной эпистемологии, деятельностной педагогики. Синтетическое обобщение различных фактов, социологических наблюдений, научных материалов, позволило обеспечить объективный взгляд на сложные процессы общественного воспроизводства. Это, в свою очередь, актуализировало применение структурно-

функционального подхода в исследовании бессубъектности как качественного состояния процессов хозяйствования с точки зрения диалектической логики в методологии (М. Фуко, К. Леви-Строс, З. Фрейд, К. Юнг, Р. Барт). Философские обобщения, как форма дедукции, послужили методологической опорой для детального анализа актуальных вопросов различных социогуманитарных дисциплин и, в частности, достижений социальной философии в аспекте исследования феномена субъектности (И. Кант, Ф. Ницше, Э. Фромм, В.А. Лекторский, М.К. Мамардашвили). В процессе исследования различных явлений хозяйственной жизни автор обращался к методологии философии хозяйства и политической экономии, в которых наиболее полно отразились исторические пути и современные взгляды на процессы общественного воспроизводства (К. Маркс, С.Н. Булгаков, Ю.М. Осипов). Благодаря использованию статистического, сравнительного, типологического анализа, а также методов логической реконструкции, были выявлены различные характеристики бессубъектного пространства экономической коммуникации. Диалектический метод позволил при анализе теоретического и эмпирического материала экономических кризисов (и их влияния на общественное воспроизводство) реализовать принципы развития, объективности, взаимосвязи, детерминации, а также предложить альтернативную систему классификации периодов в развитии западно-европейской хозяйственной системы.

Методы исследования, использованные в диссертации

1. Системный анализ, направленный на синтез общефилософских концепций и теории социальной коммуникации, дающий возможность комплексного подхода к социально-философскому исследованию процессов хозяйствования, а также исследованию их коммуникативных аспектов.
2. Синтез классических и неклассических представлений о динамике общественных процессов, месте и роли субъекта хозяйствования,

позволивший по-новому осветить феномены социально-экономической жизни.

3. Диалектический метод, позволивший обосновать ведущую роль осознанной хозяйственной деятельности индивида в противостоянии экономическим кризисам, отношении к рискам, а также подчеркнуть парадоксы онтологической бессубъектности.
4. Метод сравнительно-исторического анализа развития и функционирования системы экономической коммуникации, позволивший определить тенденции дальнейшего формирования коммуникативного пространства хозяйственных отношений.
5. Метод логической реконструкции, позволяющий рассматривать деятельностные аспекты субъектов хозяйствования и их роль в общественном воспроизводстве в социально-философском аспекте.

Объектом исследования стали стратегии преодоления современной системы воспроизводства социальности, опирающейся на сугубо экономическую детерминацию развития общества, на учащающиеся и усиливающиеся кризисы, разрушающие общественные связи и вызывающие сопутствующие социальные проблемы.

Предметом исследования являются особенности трансформации роли и значения действующего субъекта в процессах общественного воспроизводства и вызванные этим глубинные изменения в системе антропосоциогенеза.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что нарастающая изоляция, отчуждение и дистанцирование человека от осознанного участия в экономических процессах должна приводить к таким фундаментальным трансформациям системы хозяйствования, которые становятся причиной экономических кризисов. В работе исследуется парадоксальная ситуация, когда в самой хозяйственной культуре наследуемые, механистические,

облегчающие материальную сторону человеческой жизни, формы экономической бессубъектности и бессубъектной коммуникации, одновременно препятствуют естественному катализатору экономического развития – человеческой инициативе и его свободной творческой самореализации. Исходя из данной гипотезы, в работе осуществляется поиск новых, современных форм систем общественного управления, философское обоснование новых типов и механизмов общественного воспроизводства, основанных на формировании нового субъектного статуса участника хозяйственных отношений, складывающегося за пределами экономических псевдоценностей.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили количественные социологические, социально-экономические исследования (в том числе проведённые при участии автора).

Основные положения новизны:

1. Впервые выявлен, описан и разъяснён феномен бессубъектности, отражающий процессы деонтологизации в системе общественного воспроизводства. Бессубъектность трактуется как имманентное, стержневое, универсальное качество участников экономической коммуникации. У индивида остаётся всё меньше социально приемлемых возможностей для проявления собственной уникальности, формирования ответственности и осознанности в процессах хозяйствования.
2. Впервые выявлено и описано качество субъектности как катализатора положительной эволюционной динамики хозяйственных процессов, влияющих на устойчивость общественного воспроизводства. Таким образом, актуализируется проблема поиска человекообразного, гуманистического начала субъектности в хозяйстве. Оно формируется за пределами экономически детерминированных условий социального взаимодействия. Возникает «ускользающий», «мерцающий», «конформный» субъект, который не способен открыто противостоять

давлению на него со стороны технологий хозяйствования, однако постоянно уходит из-под тотального контроля отчуждённых от него же самого коммуникативных систем.

3. Впервые осуществлено исследование экономики сквозь призму её коммуникативной природы, что привело к экспликации современных условий для обозначения экономической субъектности. Экономическая коммуникация формирует иллюзорно-манипулятивные «перспективы» для человеческого самовыражения. Создаётся иллюзия экономического выбора: труд, в широком его понимании, обретает негативную коннотацию, на его место приходят различные формы экономической обезличенной коммуникации. Однако они, в силу своей обезличенности, превращаются в антисоциальный проект, направленный против глубинных оснований антропосоциогенеза.
4. Впервые выявлена и описана коммуникативная модель социального взаимодействия, которая возникает в условиях нарастающей виртуализации экономической реальности. Её основной характеристикой является смысловое упрощение, которое выражается, в частности, в эффекте «плоскостной визуализации».
5. Предложена альтернативная система классификации периодов развития систем хозяйствования. В её основе – исследование динамической природы субъекта экономической коммуникации. Исторические эпохи развития хозяйства разделены в соответствии с динамикой статуса экономического субъекта. Выделяются: (1) природно-биологический, (2) гуманистический, (3) социальный, (4) перформативный и (5) цифровой статусы. На протяжении истории хозяйствования (с XVII века по настоящее время) можно наблюдать эволюцию статусов, включая их зарождение, институционализацию, тиражирование, рассеяние и распад.
6. Впервые кризисная экономика рассматривается как синоним парадокса онтологической бессубъектности, ею же порождённого. Противоречия

кризисной экономики являются следствием безынициативности и незащитности индивида, лишённого своей уникальности. Глубинная причина заключена в нарастающем отчуждении человека и глобального экономического мира.

7. Осуществлена реактуализация классического феномена отчуждения: происходит «отлучение» человека от экономической коммуникации, прежде всего, в роли осознанного участника производственных хозяйственных процессов. В условиях отсутствия гуманистических идеалов «отчуждение» становится многоаспектным и социально безальтернативным феноменом, обеспечивающим смысловое взаимодействие людей в рамках экономики и понимание ими самих себя за её пределами.
8. Выявлено диалектическое противоречие между субъектным усилием, создающим в экономике новые условия для ее развития, и ситуацией бессубъектности, как результата экономического потребления и отчуждения гуманистических смыслов, рожденных на предыдущем этапе развития экономики. Возникает экономическая обреченность на бессубъектность, важную роль в которой играют опредмеченные человеческие усилия, лежащие в ее основании.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) В традиции современных экономических исследований установилось два ракурса для экспликации статуса экономического субъекта: (1) «программируемый», то есть формируемый через антропологическую модель (например, «рациональный человек»); (2) «функциональный», при которой субъектность подразумевается, как одна из качественных характеристик пространства социально-экономических отношений. Однако коммуникативный прессинг в отношении личности выявляет новый образ человека (и, соответственно, гуманизма): (3) ускользающего, мерцающего, неverifiedируемого субъекта, который подстраивается под

экономические императивы, но при этом сохраняет своё право на несогласие с ними.

- 2) Современная коммуникация развивается параллельно с практикой хозяйствования и, оказывает на неё моделирующее влияние. В этих условиях экономическая субъектность – это феномен проявления таких мотивов в человеческой (хозяйственной) деятельности, которые основываются на его внеопытном (априорном) знании, находящемся за границами навязанных коммуникативных стереотипов, детерминированных не механистическими, а гуманистическими принципами. Проявление субъектности в экономической поведении индивида сопровождается выполнением условий когитальности, контекстуальности, символизма действия, которое находит выражение в хозяйственной материальной культуре на определённом этапе её развития.
- 3) Экономической субъектности противопоставляется ситуация бессубъектности. Наличие динамики бытия без присутствия в нём субъекта – признак антидинамики, или, контрдинамики, т.е. движения, направленного на аннигиляцию смыслов. Выделяются различные формы экономической бессубъектности, в том числе калькулятивная бессубъектность, бессубъектность сетевого общества.
- 4) Бессубъектность находит своё выражение в различных феноменах глобальной экономической культуры, в том числе феномене безрискового общества, непрерывного экономического роста, инноваций и прогресса. Общим для этих феноменов является то, что ответственность человека за его собственное и общественное развитие переносится на глобальную (без)ответственность («общество риска», мифическое «они», великий прогресс), где экономическая деятельность деперсонифицирована, а значит, деонтологизирована, лишена своей человеческой сущности.
- 5) Экономика, как замкнутый на самом себе процесс, нуждается в визуальных метафорах, облегчающих реализацию её суггестивного

потенциала в отношении человека. Человек реагирует на эти импульсы, обретая новые субъектные роли – «калькулирующий», «рациональный» человек, тем самым усиливая навязываемую ему извне «аксиологию бессубъектности». На протяжении истории хозяйствования (с XVII века по настоящее время) можно выделить несколько периодов, которые характеризуются сменой субъектных статусов. Для текущего этапа характерен переход к цифровому пространству взаимодействия и, следовательно, цифровой бессубъектности.

- б) Технологизация экономического пространства идёт параллельно с его дегуманизацией, формированием постчеловеческих условий хозяйствования, в которых возможности для продолжения экономической жизни человека имеются лишь в информационной оболочке его «цифровых двойников». Эта среда по-новому инициирует вопрос о самопроявлении человека в социальном мире, о том, достаточны ли традиционные ориентиры (героизм, служение обществу, социальная ответственность и т.д.) для его «второго рождения». Современная экономика виртуализируется, вследствие чего феномен экономизма все интенсивнее начинает подразумевать контр-субъектность, как аксиологическую свою основу. Ускорение становится внешней формой бессубъектности. Экономика начинает зависеть от навязанного себе самой ритма, а человек – всё меньше чувствовать себя причастным к этой интенсификации.
- 7) «Отчуждение» рассматривается как синоним «отлучения» человека от экономической коммуникации, прежде всего, в роли осознанного участника производственных, хозяйственных процессов. Предлагается представить этот феномен как результат действия социальных зеркал, через которые человек имеет возможность познавать различные аспекты своего хозяйственного бытия, производить разностороннюю рефлекссию своего поведения, и тем самым – «отчуждать» собственные проекции себя

как экономического субъекта. В этой связи делается вывод, что дальнейшее развитие методологии постклассической философии хозяйства связано с исследованием множественности статусов экономического субъекта.

- 8) В глобальном и однозначном (одномерном) экономическом пространстве возникает новое понимание феномена лидерства, как способности преодолеть дегуманизирующие экономико-социальные императивы, предложить социальному окружению новые, человекообразные смыслы для взаимодействия. Лидерство основано на особой мотивации в человеческой деятельности, которая способствует преодолению границ «отчуждения», то есть это потребность в преодолении «отчуждения», как правило – через трансформацию мира (и себя).
- 9) Экономико-коммуникативная деонтологизация социальных процессов приводит к тому, что объективная реальность всё больше субъективируется, а субъективность – обретает эксплицированные формы. Феномен социальной приемлемости становится метафорой антигуманизма (любое личностное проявление подлежит экспликации и публичной оценке), и новые перспективы для человека лежат в сфере личностно пережитой духовности, в том числе – глубоко отрефлектированной, несмотря на коммуникативный прессинг, самоотжестственности.

Теоретическая значимость диссертации.

В теоретическом плане диссертация представляет собой обоснование преодоления гносеологического, методологического и смыслового разрыва между различными науками, занимающимися в той или иной степени исследованиями проблем современной экономики и общества. Выводы, материалы и положения диссертации могут быть использованы при научной разработке новых теоретических и практических аспектов философии хозяйства, может стать основанием для нового направления – экономической гуманитарологии. Целостный подход к проблемам социального

воспроизводства с точки зрения экономической гуманитарологии позволяет актуализировать прежние формы социальной динамики, основанные на доверии к человеку-субъекту социально-экономических отношений, раскрыть его креативный и творческий потенциал.

Практическая значимость диссертации.

Выводы и результаты диссертации призваны внести свой вклад в преодоление кризиса современного общества, в формирование путей и методов обретения им своей идентичности. Теоретические выводы работы могут способствовать развитию междисциплинарности в исследовании проблем хозяйствования. С научно-практической точки зрения, работа имеет значение как опыт развития феномена отчуждения в соотнесении с современными социокультурными проблемами, в том числе в связи с распространением информационно-коммуникационных технологий. Выводы диссертации имеют значение для определения роли лидеров и предпринимателей в общественном воспроизводстве, а также для выработки рекомендаций по их обучению, с акцентом на субъектность и осознанное участие в хозяйственных процессах.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается применением обоснованных теоретико-методологических концепций, масштабным охватом библиографических массивов отечественной и зарубежной научной литературы, соответствующих рассматриваемой проблематике.

Апробация основных положений диссертации

Основные положения диссертации отражены в 33 печатных работах, общим объёмом 25,68 п.л. (авторских – 23,4 п.л.), в том числе в 17 публикациях из перечня журналов, рекомендованных ВАК, 1 монографии, а также в докладах на Всероссийской научно-практической конференции «Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма» (Нижний Новгород 2018,

2019); Всероссийской конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» (Нижний Новгород 2017, 2019); на секции научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ежегодно проводимой в рамках всероссийских конференций (Москва 2017, 2018, 2019); на научно-практическом семинаре в Венском экономическом университете (Вена, Австрия, 2016) по итогам межвузовского сотрудничества университетов России, Украины, Польши и Германии при выполнении международного проекта «ЕС TEMPUS» (2013-2016); а также на конференциях всероссийского (Калининград 2017; Арзамас, 2019; Санкт-Петербург, 2019) и международного уровня (Санкт-Петербург 2014, 2019; Белгород 2018), внутривузовских научно-методических семинарах (Нижний Новгород 2015, 2016, 2017, 2019, 2020), при выполнении работ, поддержанных РФФИ по теме: «Исследование статуса субъекта экономических отношений в системе социокультурных кризисов» (2018-2020).

Кроме того, идеи диссертации уточнялись в ходе учебно-педагогической деятельности в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, в рамках преподавания курса «Лидерство» (2019), развития практики наставничества, лидерства и воспитания предпринимательского духа, на базе лаборатории проектно-ориентированных методов обучения «Студенческий бизнес-инкубатор ННГУ» (2014-2020).

Структура и объем исследования. Диссертация состоит из введения, четырёх глав (двенадцати параграфов), заключения, приложений, списка литературы, включающего в себя наименование 655 источников. Общий объём диссертации составляет 371 страницу.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** даётся обоснование актуальности проблемы исследования, теоретического и практического значения работы, определяются объект и предмет, указываются цели и задачи, методология и принципы изучения эмпирического материала, формулируются выносимые на защиту положения и полученные результаты в контексте научной новизны, излагается концептуальный обзор литературы по теме исследования.

В первой главе «Теоретические аспекты социально-философского исследования человека в хозяйстве» с опорой на эволюцию общественных представлений о роли месте экономики в системе общественного воспроизводства, продемонстрировано, как сформировался современный ограниченный взгляд на хозяйственную действительность, и одновременно – многоликий образ «экономического человека», в моделях которого проявляются политические, культурные, и иные социальные детерминанты, проводится ретроспективное исследование проблемы субъекта в экономике. Европейская философская мысль эволюционировала в рамках субъективно-ориентированного исследования, устанавливающего ведущую роль человеческого мышления (Р. Декарт), важную роль его взаимного отношения с миром объектов и с самим собой («мир во мне» по И. Канту, или «я в мире» по И. Фихте), трансцендентального субъекта (а также – «мы» И. Канта, тождество субъекта и объекта у Ф. Шеллинга, или «София» в работах С.Н. Булгакова), правового субъекта и многочисленные модели «рационально» мыслящего, «калькулирующего» человека (М. Хайдеггер). В главе демонстрируется, каким образом распространение модели «рационального человека», и в последующем – феномена «экономизма», превратило область социально-экономического воспроизводства в прозрачное (понятное, упрощённое) и программируемое пространство экономической коммуникации. Включенный в хозяйственную жизнь

индивид вынужденно играет по правилам, выработанным в процессе эволюции системы воспроизводства, в которой установлен приоритет материальных ценностей в самоидентификации субъекта. «Бегство» от «проблемы человека», и связанный с ней интенсивный поиск способов технологизированной замены «человеческого фактора» привели к тому, что в перспективных исследованиях различных аспектов социально-экономического развития общества все больше начал утверждаться особый ракурс, который предлагается обозначить как «бессубъектность».

В параграфе **1.1 «Рациональность и экономизм: рефлексивные границы исследования экономического субъекта в классический период»** раскрываются основные этапы эволюции модели рационально действующего субъекта социально-экономического воспроизводства, так называемого «экономического человека», описанные в работах А. Смита, Дж. С. Милля, Д. Рикардо, представителей школы маргиналистов (У. Джевонса, Л. Вальраса, Ф. Эджуорта и В. Парето) и неоклассического направления (Д. Маршалл). В работах российских исследователей конца XX-начала XXI века (Н.А. Печерских, О.И. Ананьин, В.С. Автономов) такая модель субъектного поведения была неоднократно эксплицирована в ретроспективе социально-экономических теорий, описаны качества и способности очищенного от «врождённых идей» (Р. Декарт), «экономического человека», который вовлечён в процессы личного обогащения. Но несмотря на всю глубину такой ретроспективы вне рассмотрения по-прежнему остаётся социально-философская трактовка влияния этого субъекта на хозяйственную реальность. Критика самой экономической абстракции, как правило, связана с моральными (эгоистическими) мотивами экономического поведения (П. Козловски), или недостатком развития соответствующей методологии (М. Блауг, У. Мьяки, Ф. Майровски), хотя имеются попытки (С.Н. Булгаков, Ю.М. Осипов, Н.А. Печерских) сделать этот вопрос предметом социально-философского исследования.

Возникает общественная потребность в таком «модельном» субъекте, который в этом своем качестве давал возможность осмыслить неявные, однако весьма существенные для социального воспроизводства тренды и процессы. Такой субъект – не только один из полюсов субъект-объектных отношений, но и центральная ось классической философской системы: именно в его сознании рождается, преломляется, движется объектный мир. Такой субъектоцентризм имеет два важных последствия для мира хозяйствования. Во-первых, субъект-индивид занимает позицию деятельностного творца-собственника, который рассматривает весь природный мир как «биологическую массу», доступную для преобразования под его нужды и задачи. Во-вторых, такой субъект представляется глубоким индивидуалистом, весь его гуманизм разумно эгоистичен.

Обращает на себя внимание то, что принцип экономической рациональности является «перевернутой» теорией «разумного эгоизма». Если Б. Спиноза устанавливал приоритет собственного разума (отсюда и «эгоизм») в определении нравственности человеческих поступков, то в контексте экономической рациональности разум отдельной личности подменяется конкретными модельными установками, которые нередко являются продуктом мышления «восставшей толпы» (Х. Ортега-И-Гассет), результатом действия мифов-конструктов о хозяйственной действительности и разумности экономического поведения. В современном обществе это предположение открывает себя в вопросах, связанных с социальным выбором (траектории обучения, будущей профессии, стандарта потребления, отношения к нововведениям, модели сбережений и инвестиций).

Рассуждения о способностях человека к рациональному поведению (мышлению) и возможности его моделирования (редукционизм) в хозяйственной практике становятся долгосрочными политическими программами, преобразующими систему общественного воспроизводства. Это явление получило название «экономической перформативности», и было

раскрыто в работах М. Каллона и его последователей. Формируется общество «одномерных» людей (Г. Маркузе), имеющих понятные и программируемые желания и потребности, продолжает обсуждаться теория оптимальной численности населения Т. Мальтуса, в экономической науке утверждается смитовская концепция «рынка» – механизма, который обеспечивает достижение равновесия и эффективности общей системы хозяйствования. Такая научная картина хозяйственного мира долгое время остаётся механистической, а сама экономика развивается на принципах социальной механики. Однако неизбежно на смену натуралистической парадигме хозяйствования (В.А. Колпаков) приходит неклассическое представление о хозяйстве как об организме, что неизбежно приводит к смене всей системы интересов и потребностей действующего субъекта.

В параграфе **1.2 «Экономический субъект и субъектность в неклассический период научной рациональности»** автор демонстрирует, каким образом трансформировалось представление о субъекте хозяйствования в XX веке. Если в классический период предполагается, что экономический субъект обладает бытием, имеет духовное, психологическое измерение, остаётся деятельным преобразователем, чья активность направлена в сторону объекта, то в неклассический период происходит постепенный отказ от классической формы субъект-объектных отношений. Неклассический период связан не только с утверждением новых субъектных форм, к которым можно отнести, например, коллективного субъекта, но также – с изменением представлений о сфере познания экономического субъекта. Развитие актуальной модели субъекта во многом связано с исследованием степени рациональности экономического поведения индивида: и здесь человека в хозяйстве обнаруживают в двух крайних состояниях. В редукционистской школе «экономическому человеку» приписывается рациональное поведение, несклонность к системным ошибкам. Историческая школа институционализма, напротив, указывает на

неспособность оптимизировать поведение индивида как крайне несовершенного субъекта наблюдения, поэтому требуется создавать институты и хозяйственные подсистемы. Их задача – исправлять и контролировать последствия непредсказуемого (неэффективного) экономического поведения субъекта-индивида.

В период развития неклассических представлений об экономическом субъекте в границах обоих направлений происходит его эволюция. Так, в рамках первого направления, экономический субъект обретает свойство интенциональности (Л. Мизес), или, по сути, субъектности. Центральным вопросом становятся условия для беспрепятственного проявления хозяйственных усилий человека, которые, как доказывают представители Австрийской экономической школы (Л. Мизес, Ф. Визер, Ф. Хайек, Е. Бем-Баверк) и их последователи (Й. Шумпетер), возможно лишь в условиях рынка. В рамках второго направления – рождается коллективный субъект «государство» (Дж. М. Кейнс и его последователи – Дж. Робинсон, Н. Калдор, П. Страфф), а также ещё одна модель – «агент», или «человек институциональный». При этом предметом социально-экономических исследований становятся взаимоотношения институтов и агентов (Т. Веблен, Дж.К. Гэлбрейт, Р. Коуз, Д. Норт), а также – поведение агентов, исходя из наследуемых и приобретаемых факторов.

Классический спор относительно роли государства и рынка в экономике в свете социально-философского исследования превращается в вопрос о субъектности и условиях её формирования в системе общественного воспроизводства. Как термин, субъектность, не имеет общепризнанного определения, и иногда употребляется как синоним субъективности. В исследовании субъектность предлагается рассматривать как результат сложного процесса, когда «личность выступает и как субъект, и как объект деятельности»: в отечественной практике – с опорой на понятие, данное В.И. Слободчиковым, а в зарубежной – на теорию Р. Харре. В XX

веке исследование субъектности в экономике сводилось к изучению психологических (бихевиоризм), правовых, либо моделируемых (поведенческих) характеристик субъекта. В истории экономической мысли были попытки изучения трансцендентального субъекта хозяйствования (С.Н. Булгаков), однако это направление исследований социально-философских оснований хозяйствования не получило дальнейшего системного развития. В центре внимания оказались внешние проявления хозяйственной жизни, её количественные, экономические и финансовые, индикаторы. Такой подход к описанию субъектности, по сути, превратил самого субъекта в атрибут (функцию) общественных процессов. На это обстоятельство во многом повлияла техническая ангажированность, распространение технологий в самой системе экономической коммуникации. В связи с этим актуальным становится исследование коммуникативной природы экономики, которая формирует иллюзорно-манипулятивные «перспективы» для человеческого самовыражения.

В параграфе **1.3 «Субъект в условиях коммуникативной детерминированности экономических итераций»** раскрывается коммуникативная природа социально-экономических процессов. Автор показывает, каким образом современная коммуникация оказывает моделирующее влияние на мир хозяйствования. Экономика при этом превращается в систему рекурсивных повторяющихся интеракций, которые являются виртуальными и всё больше технологичными, самодостаточными процессами, исключая необходимость присутствия в них субъекта как активного их начала.

В рамках постклассического представления о хозяйстве, как саморазвивающейся системы, функция рынка выходит за рамки сугубо информационной (Ф. Хайек). Как форма рациональной коммуникации, денежные средства из технического инструмента превратились не только в полноправного участника рыночных отношений, но и стали оказывать

взаимобратное влияние на видение и мотивы поведения экономического субъекта. Вопросы влияния рыночных отношений и денежного обращения на участника экономических отношений, и связанные с этим социокультурные изменения, при этом оказались вне предмета современной экономической науки релевантных социогуманитарных дисциплин. Отчасти они рассматривались в социальной философии, социологии, современной теории коммуникации (Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн, Ю. Хабермас). В условиях перехода к цифровому обществу, эта проблема не только актуализируется, но и требует выработки иных, постклассических, подходов к исследованию проблемы хозяйства и хозяйствующего индивида. Формальная рациональность и этика («буржуазная» и субстанциональная рациональность – в трактовке Ю. Хабермаса) образуют два полюса современной экономической коммуникации. Чтобы подчеркнуть дегуманизирующий характер современной коммуникации, связанной с денежным обращением, бюрократизацией и обезличиванием процессов потребления и производства, Ю. Хабермас обозначает такую рациональность как техническую, или инструментальную. Субъектоцентризм, а также собственническое отношение к окружающей природе, имеет основания именно в этой рациональности.

В параграфе делается вывод о новых вызовах субъектности в информационном обществе. В пространстве цифровой экономической коммуникации нет места субъекту, лишь его – цифровой проекции, или цифровому двойнику (цифровой тени). Этот тип коммуникации подразумевает колонизацию жизненного пространства субъекта не только со стороны экономических, политических, или институциональных структур (Ю. Хабермас), но и языковых алгоритмов (А. Тьюринг), «цифры» как таковой (Ю.М. Осипов). Однако выражать всю хозяйственную реальность исключительно логико-теоретически значит исключать «вещно-телесную» картину мира (В.А. Кутырёв), её целостность, гуманистический вектор социально-экономического развития общества. Этот вопрос требует дальнейшей социально-философской рефлексии, в частности – рассмотрения

эволюции принципа рациональности как важной характеристики экономической коммуникации.

Во второй главе «Методология постклассической философии хозяйства в исследовании субъекта экономической коммуникации» раскрываются основные аспекты постклассической методологии философии хозяйства, в рамках которой предлагается соединить два рассмотренных ранее взгляда на субъект хозяйствования (антропологический и функциональный). Это становится возможным в контексте феномена экономического кризиса. Именно в условиях кризиса можно наблюдать разлаженность субъект-объектных отношений (мотивов и действий субъекта и результатов исторического развития хозяйственной реальности). Для раскрытия этих аспектов методологически исследуется социально-философская природа экономической коммуникации, предлагается гносеологическая интерпретация труда, обосновывается экономическая польза созидательной силы экономической субъектности, а также актуализируется и обновляется трактовка феномена «отчуждения результатов труда».

В первом параграфе 2.1. **«Социально-философский анализ специфики экономической субъектности и условий её проявления в хозяйстве»** приводится и обосновывается феномен субъектности, а также предлагается обновлённая гносеологическая трактовка процесса труда. Предлагается гипотеза, согласно которой, для осознания собственного бытия, индивид испытывает потребность наблюдать (созерцать, обозревать) «отражения» собственной деятельности. Учитывая, что субъект, как таковой, есть событие, факт субъектности подразумевает априорное наличие рефлексивного, то есть отражающего процесса. Он совершается, сбывается, через акты самопознания, которые приходится постоянно воспроизводить. Таким образом, труд из экономической категории переходит в гносеологическую, а самосознание обращается в процесс объективации духа

(Н. Бердяев). Труд как форма объективации воплощает всё сомнительное, необработанное, внутренне сокрытое от человека, но дающее ему возможность наблюдать себя в процессе трудовой деятельности. Такая концепция труда позволяет решить проблему «пахаря и звездочёта» (С.Н. Булгаков), связывая труд не с его пользой, стоимостью, или связанными социальными отношениями, а с его значением для самопознания отдельного человека. Именно в этом состоит праоснова субъектного неконформизма, суть которого раскрывается в следующих главах исследования.

Под экономической субъектностью предлагается понимать различные проявления взаимосвязи субъекта хозяйственных отношений с окружающей его релевантной действительностью, с его деятельностью, утверждающей его именно как соответствующего субъекта. В параграфе раскрываются этапы эволюции экономической субъектности – от субъектности рациональной (классическое исследование) до «творческой», понимаемой как движущая сила разнообразия в хозяйстве в противовес роботизации и рационализации. Отмечается, что условием для проявления субъектности в акте хозяйствования (не в узком экономико-рациональном, но социально-философском смысле) является сопутствующая ему когитальность, контекстуальность, а также наличие пространственно-временных рамок и развитой материально-символической культуры.

В постинформационном обществе экономическая коммуникация формирует иллюзорно-манипулятивные «перспективы» для человеческого самовыражения. В современном зеркале экономической реальности индивид противостоит собственным цифровым копиям. В цифровой экономике получает визуализацию рефлексия субъекта о себе самом. Она формируется в результате исследования субъектом собственного рационального текстового портрета. Цифровой портрет статичен и лишь косвенно может быть сравним с самим индивидом, находящимся в постоянной динамике. В то же время его

простота и доступность для анализа делает возможным для индивида выстроить диалог с самим собой, оценивая личные достижения – через наблюдение изменений в карьерном статусе, компетенциях, количестве подписчиков в аккаунтах социальных сетей, размере оплаты труда. Такой диалог есть социально приемлемая форма экономической коммуникации и не заменяет собой диалога личности с самой собой на фоне ее самоизоляции от внешних детерминаций (т.н. «эго-медийность» (А.Н. Фортунатов)).

Во втором параграфе 2.2. **«Эволюция феномена «отчуждения» в коммуникативной экономической рациональности»** реактуализируется узнаваемый социально-философский концепт «отчуждения». Предлагается представить этот феномен как результат действия социальных зеркал, через которые индивид имеет возможность познавать различные аспекты своего хозяйственного бытия, производить разностороннюю рефлексию своего поведения, и тем самым – «отчуждать» собственные проекции себя как экономического субъекта. Такое представление рождается в результате разделения представлений об экономике и хозяйстве. Если хозяйствование, как процесс, рассматривается как условие для самопознания, осознания собственного «бытия», то экономика представляется как особая социальная система, которая вбирает и перераспределяет материальные ресурсы для возобновляемого познания и тем самым продолжения человеческого рода: не только биологического, но и ментального (культурного и духовного). В силу своего социокультурного и коммуникативного детерминизма, экономика создаёт специфические условия для субъектной рефлексии. Для того чтобы сделать этот процесс непрерывным, возобновляемым и цикличным, индивид вынужден вступать в экономическую коммуникацию, которая, в силу её социальной природы, имеет определённые ограничения (ресурсов, восприятий времени и пространства, этапов исторического развития). Отсюда берут своё начало многочисленные формы «отчуждения» (К. Маркс, Э. Фромм, Т. Адорно, М. Эпштейн). Ментально индивид становится «заложником» исторических процессов (а также – рыночных сил, сетевого

пространства взаимодействия), границы его личной ответственности за собственные хозяйственные действия сужаются, как и его творческая роль в преобразовании общественной жизни.

Постмодернистский поворот, за которым последовала трансформация понятий ответственного хозяйствования (эффективный собственник), свободного времени и труда, ознаменовал перерождение феномена экономического «отчуждения». Оно стало онтологическим процессом, следствием отсутствия гносеологического мужества субъекта, неспособного преодолеть социальные ограничения, накладываемые на него экономикой, цифровизацией, социальной средой. С одной стороны, разочарование в человеческих возможностях сформировать самого себя, которое стало следствием всей социальной истории XX века, привело к девальвации гуманистических смыслов социального поведения, идеалов Добра, Справедливости, Истины (реализация сценария «Антропологической катастрофы» – М.К. Мамардашвили, В.А. Лекторский, В.А. Кутырёв). Самостановление человека замкнулось на него самого, отбросив социальный идеал как ненужный фантом. С другой стороны, появились призывы к созданию общества постлюдей, чьи биологические и интеллектуальные способности могут быть усилены техническими и информационными средствами. Особенно остро эти сопряжённые процессы заметны в экономике. Формируется особая среда контрсубъектности, которая в концентрированном виде представлена в экономике, и которая подразумевает рекурсивное формирование условий для вытеснения на периферию социальности гуманистических ориентиров.

«Отчуждение» рассматривается как синоним «отлучения» индивида от экономической коммуникации, прежде всего, в роли осознанного участника производственных хозяйственных процессов. В этой связи, делается вывод, что дальнейшее развитие методологии постклассической философии

хозяйства связано с исследованием множественности статусов экономического субъекта.

В третьем параграфе **2.3. «Эволюция бессубъектности в гнозисе экономических отношений»** раскрывается понятие и формы экономической бессубъектности. Она представляет собой ситуационный феномен, который связан с ракурсом предмета исследования: когда декларируется ведущая роль личности для развития экономики («экономика знаний», «инновационная экономика»), но сам человек оказывается вне наблюдений учёных и практиков. Индивид, таким образом, распознаётся через призму институтов и его общественного статуса (человек институциональный), «учитывается» при разработке государственных экономических регуляторов (неокейнсианство), растворяется в «относительных» мифах о самоорганизующейся силе рынка («неоавстрийское течение»), или общественных процессов (неомарксизм). Хозяйственные процессы организуются и исследуются «вокруг» человека, под лозунгами «для человека», однако – степень осознанного вовлечения индивида в экономику нивелируется. Феномен «отчуждения» (К. Маркс) обретает новые коннотации: до «отчуждения каждого, в отдельности, от самого себя», «отчуждения между «человеком и человечеством» (Т. Адорно) вследствие «закона ускоренного производства информации» (М. Эпштейн), или «отчуждения людей от людей» (Э. Фромм), которые становятся жертвами манипуляций со стороны символов и вещей, и даже отчуждения человека и его «цифрового двойника» – проекции человеческих действий в цифровой среде, которые развиваются отдельно от человека, благодаря искусственному интеллекту. Как результат – безразличное экономическое поведение (производителя к клиенту, сотрудника и управляющего, контрагентов между собой) становится условием выживаемости (конкурентоспособности) в мире современной экономической коммуникации.

На примере истории развития хозяйства (с XVII века по настоящее время) можно выделить несколько периодов, которые характеризуются сменой субъектных статусов и сопутствующих ведущих форм бессубъектности. В отличие от других приёмов классификации этапов хозяйственного развития, основанных на динамике объективных факторов (как правило, технологической природы, – например, у К. Маркса, С.Ю. Глазьева, Тоффлера и др.), в основе предложенной системы – эволюция отношений между человеком и экономикой. Предлагаемая классификация периодов хозяйственного развития показывает, каким образом переход от стадии институционализации к стадии тиражирования сопровождается «поворотом» от субъектности к бессубъектности (по аналогии с «языковым поворотом»), переходом от смыслового содержания хозяйственной деятельности (самовыражение человека) к внешним формам (символам).

Бессубъектность, в определённом смысле и в разной степени есть антисубъектность. Наличие динамики бытия без присутствия в нём субъекта – признак антидинамики, или, контрдинамики, т.е. движения, направленного на аннигиляцию смыслов. В этом контексте современная экономика представляется как пространство антисубъектности, ведь целенаправленное избегание «человека», его деонтологизация становится основным мотивом экономических отношений. Рекурсивность коммуникативных механизмов есть их неотъемлемое свойство (Н. Луман). Бессубъектность одновременно с этим является важным движущим мотивом для развития экономико-коммуникативной техносферы.

В третьей главе **«Квазионтология кризисной экономической реальности»** производится социально-философская рефлексия экономических и сопутствующих кризисов, анализ коммуникативной стороны этих процессов, связанные не только с пересмотром системы ценностей, но также – сложившихся стереотипов экономического знания и хозяйственного действия. Предлагается уточнить понятие кризиса как характеристики социокультурного пространства жизни, так как иначе – оно

может стать перманентным. Можно наблюдать, как происходит тривиализация онтологического смысла кризиса как катастрофы, драматического нарушения существующих норм и правил. Попытки исключить гуманитарное (человеческое) начало, и прежде всего, сознание, из процесса принятия экономических решений, обрекают сами эти процессы на механическое угасание. В этом, собственно, находят отражение процессы деонтологизации. Результатом является глобализация (пространство-время нивелируется), технологизация мышления (калькулятивность), виртуализация человека (формирование цифровой проекции человека-потребителя и человека-предпринимателя). Модельно-теоретическая реальность информационной экономики формирует повседневные стереотипные представления индивида о самом себе, что сужает границы его внутренней свободы. Обратная сторона этих процессов состоит в размытости не только межсубъектного пространства, но и личностного пространства каждого конкретного субъекта, стремительно теряющего какую бы то ни было возможность «второго рождения», внутреннего озарения и трансцендирования за пределы установленных (квази)рамок бытия, поскольку на каждое вопрошание уже заранее заготовлен технологически обеспеченный ответ. Трансцендирующее действие обращается внутрь самой личности, формируя негативную оценку индивидом внешних условий его бытия, принятие формальных условий жизни при отрицании их этической сущности.

В этом контексте кризис хозяйственной системы определяется как периодическое нарушение баланса сил сопряжения субъект-объектных отношений. Бессубъектный предметный мир и мир процессов становятся замкнутой системой. «Открытой» её делает включённая (осознанная) деятельность человека, позволяющая выйти из «причинно-следственных» связей природного мира и мира вещей. В цифровом обществе этот процесс ускоряется, так как человек становится «заложником» своего «цифрового двойника».

В параграфе 3.1 «**Антиномия инноваций и гуманизма в экономическом бытии**» предлагается обоснование двойственного понимания роли инноваций в общественном воспроизводстве. Феномен инновационного общества исследуется через результаты применения технологий, то есть феноменов, возникших внутри техно-ориентированного общества. Таким образом «проблема наблюдателя» в свете постклассического исследования трансформирует понятие инноваций и их роли в экономических процессах (когда люди уже стали частью этих процессов). Начиная с конца XX века, экономика знаний стала представлять собой конвейер бесчисленных форм бытия, которые от материальных (дом, машина, одежда) трансформировались к нематериальным, шаблонам виртуального присутствия и «футлярам» для социальной жизни. Инновационность и клиширование «бессубъектной» экономики знаний, стало быть, являются диалектически сопряженными процессами. «Экономика» (в контексте данного исследования) и «инновации» взаимно подкрепляют, оправдывают существование друг друга. Для развития инноваций обществу требуется ещё большая концентрация и секьюритизация капитала (венчурные фонды), устранение протекционистских барьеров на пути денежных потоков, почти оправданное создание финансовых пузырей. Глобализация, секьюритизация, развитие инноваций в совокупности обеспечили материализацию многих научных идей, которые оказывают преобразующее воздействие на материальную сферу человеческой жизни. Холодное, контр-гуманитарное присутствие экономики в социальной повседневности делает почти зримым разделение субъективной (становящейся практически интимной) реальности и объективной (техно-объективизированной). Возникает ситуация отчужденности, переходящей во враждебность между различными реальностями. Эта ситуация является прежде всего нравственным вызовом для личности в XXI веке.

Во втором параграфе **3.2 «Категория риска в аксиоматике экономической теории»** раскрывается, каким образом социально-философский подход к исследованию общества рисков позволяет избрать новый, альтернативный существующему взгляд на переустройство экономики, основанный на ведущей роли самосознания индивида, поисках выхода из бессубъектного состояния. Феномен «общества рисков» отражает последствия переноса акцентов с личной ответственности человека за его собственное и общественное развитие на глобальную (без)ответственность, где риск деперсонифицирован, а значит, деонтологизирован, лишён своей человеческой сущности. Однако неопределённость – качественное состояние такой организации жизни, в которой присутствует плюрализм возможностей, для «воображения, созидания, поиска» (И. Валлерстайн). К тому же динамика развития информационного общества риска (У. Бек, Г. Бехманн) демонстрирует нарастание угроз и вызовов, а также способствует появлению «множества новых возможностей в форме бифуркаций» (И. Пригожин). Духовный рост и самосовершенствование становятся общечеловеческой потребностью на фоне миража коллективного (бессубъектного) управления растущими рисками.

В третьем параграфе **3.3 «Концепции экономического роста и кризиса в символическом измерении бессубъектности»** исследуется, каким образом в XX-XXI веке капиталистическая система хозяйствования, развиваясь в согласии с императивом непрерывного экономического роста, расширяла не только материальные (индустриализация, углубление специализации, глобализация товарных рынков), но и нематериальные сферы социального взаимодействия (виртуализация финансовой сферы), в итоге проделав путь – до технологически обеспеченной реальности, техносферы. Каждый скачок развития сопровождался не только ростом сложности экономики, что свойственно для самоорганизующихся систем, но и её отрывом от «реальных», бытийных процессов, утверждением пространства бессубъектных отношений, всё меньше требующих личного участия

(вовлечения) индивида. Становление спекулятивно-финансовой экономики привело к отчуждению человека от процесса инвестирования (эффективного собственности), а утверждение технологической экономики – от самого процесса хозяйствования, в результате чего экономическая активность стала сначала неудобной (в силу изменения темпоральных и пространственных характеристик), и наконец – неестественной для человека. Финансовые и экономические кризисы стали неотъемлемой частью экономической жизни, утверждаясь как необходимый этап поступательного развития хозяйственной системы.

Таким образом, технологизация экономического пространства идёт параллельно с его дегуманизацией, формированием постчеловеческих условий хозяйствования, в которых возможности для продолжения экономической жизни человека имеются лишь в информационной оболочке его «цифровых двойников». Эта среда по-новому инициирует вопрос о самопроявлении человека в социальном мире, о том, достаточны ли традиционные ориентиры (героизм, служение обществу, социальная ответственность и т.д.) для его «второго рождения». Стремление индивида к благу, к материальному благополучию внутри экономической системы, развивающейся на принципах бесконечного роста и увеличивающейся неопределённости, оборачивается наращиванием всё большего количества условий, которые постепенно выталкивают человека на периферию экономических процессов. Индивид становится автором и одновременно жертвой экономического детерминизма, главная черта которого состоит в том, что он провозглашает античеловечность как фундаментальную ценность.

В четвёртой главе **«Феномен лидерства и бессубъектная экономика: пространственно-временные границы противоречий»** обосновывается роль личности в преодолении общественных проблем, поиске путей выхода из кризисов. Социально-философская трактовка лидерства связывается с проблемой выхода за пределы устоявшихся стереотипов: лидерство

необходимо воспринимать как один из путей возвращения субъекта производства и потребления в поле зрения экономических и общественных наук, но субъекта не столько рационального, сколько свободного от влияния установок безрискового поведения и других коммуникативных конструктов. Этот субъект должен быть носителем личностной правды, доступной и понятной в условиях техно коммуникации многим индивидам.

В первом параграфе **4.1 «Лидерство как акселератор экономической самоорганизации»** обосновывается, каким образом осознанная хозяйственная деятельность человека не только оказывает «оживляющее» воздействие на «мир вещей» и процессов, но свобода человека становится условием «трансцендентности» мира хозяйствования. Вещи и процессы, отражённые в сознании человека, становятся не только ценными, но они обретают иное назначение и логику действий. Они создаются, обмениваются, используются в быту и на производстве, воплощая тем самым идею экономической категории полезности, с их помощью творится культура. На примерах различных форм лидерства (от предпринимательства до изобретательства) раскрывается, что тайна лидерства заключается в личностных способностях человека оказывать перформативное влияние на окружающую действительность. Насколько это влияние сильно, не способен предсказать и сам лидер, поскольку историческая ткань хозяйственной жизни формируется в самом процессе их взаимодействия.

Лидерство противопоставляется «отчуждению». С одной стороны – «отчуждение», есть такое условие деятельности индивида, при котором в процессе хозяйствования он не узнаёт себя как творца, а сам мир кажется ему посторонним по отношению к нему. Индивид отделён от общественного сознания, оставаясь при этом его частью. Таким образом, возникает модель взаимного отражения и одновременно «отталкивания», когда и человек, и общество не являются взаимодополняющими элементами целого. С другой стороны – лидерство (пассионарность) – это особая мотивация к

деятельности, которая способствует преодолению границ «отчуждения», то есть это потребность в преодолении «отчуждения», как правило – через трансформацию мира (и себя). На примерах показано, каким образом люди, получившие статус лидеров, своим личным деланием (поведением), усилием, выбором, иногда даже только высказываниями, продуцировали то, что можно обозначить, как «точки бифуркации» в системе общественного воспроизводства. Таким образом, в контексте данного исследования лидер – тот, кто смог лично преодолеть отчуждение между субъективной и объективной реальностями.

Во втором параграфе 4.2 «**«Экономическая гуманитарология в системе воспроизводства общества знаний»** рассматриваются возможные стратегические направления развития экономической науки с точки зрения формирования лично осмысленного феномена ответственности и инициативности (экономической субъектности). Здесь намечается несколько направлений – экономика как результат междисциплинарного синтеза (формирование междисциплинарной платформы экономико-психологического, или экономико-социологического знания); реконструкция экономической науки на принципах постгуманитарного знания; развитие экономической науки как отрасли культуры (искусства). Обосновывается, что развитие гуманитарных концепций положительно скажется на разрешении вопросов, связанных с сохранением устойчивой биосферы. Немаловажным остаётся социальный контекст экономического знания, который раскрывается через дальнейшее развитие философии хозяйства, и в частности – её антропологическую функцию.

Направление экономической гуманитарологии можно рассматривать как набор принципов, способствующих изучению условий гармоничного сосуществования бессубъектного, институционального, общественного (как результата исторического развития системы общественного воспроизводства) и современного, живого, субъектного, индивидуального. В

определённом смысле эта задача является парадоксальной, своеобразным вызовом для научного сообщества, которое требует консолидации усилий представителей различных наук. Особенно актуальным это направление становится в условиях цифровизации и роботизации, изменения структуры труда, трансформации профессионального мира будущего. Для решения этих вопросов актуальными становятся социально-философские методы исследования, позволяющие дать разностороннюю оценку общественным процессам и роли человека в современной экономике.

В третьем параграфе 4.3 **Модельно-теоретическая реальность образовательного пространства как область воспитания экономической субъектности** раскрывается ключевая роль образования в реализации рефлексивной функции общественного сознания. Образовательная среда является сферой непрерывной передачи опыта хозяйственных процессов, качество усвоения которых обучающимися определяет степень устойчивости существующих хозяйственных механизмов. Образовательное пространство, трансформированное в экономической реальности, в «услугу», в определённый сорт «товара», также становится сферой продуцирования отчуждения, когда оно само начинает восприниматься как матрица, как определённая мировоззренческая основа для будущего предпринимателя. В этом свете «новое предложение» для экономической педагогики: изучать экономику не для того, чтобы играть по её правилам, а чтобы их менять, учитывая недостатки, выявленные при реализации моделей на практике. Здесь раскрываются основные особенности обучения предпринимателей (инноваторов) как потенциальных лидеров, противостоящих процессам рассеяния и кризисным явлениям в экономике. Обосновывается тезис о том, что практика обучения предпринимательству, воспитания предпринимательского духа, требует разработки новых методов, прежде всего основанных на проектно и проблемно-ориентированном подходе к обучению, а также – развития наставничества в преподавательской среде.

Личностная компонента в предпринимательском развитии требует кропотливой и тщательной реанимации в контексте сложившейся в течение последних десятилетий традиции отчуждения.

В **Заключении** подводятся итоги и формулируются основные выводы диссертационного исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора.

Монография.

1. Чепьюк, О.Р. Экономика без человека: генезис пустоты. Н.Новгород: Экономика без человека: генезис пустоты: монография / О.Р. Чепьюк. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2020. – 209 с.

Статьи, опубликованные по перечню ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК.

1. Чепьюк, О.Р. Энтропия как мерилло экономического развития // Гуманитарные, социально–экономические и общественные науки. – 2014.– №6-1. – С. 64–70.
2. Чепьюк, О.Р. Инновационная экономика как матрица современной культуры // Философия и культура. – №8. – 2015. – С. 1169–1174.
3. Чепьюк, О.Р. В поисках гуманитарного начала в современных экономических системах // Современные исследования социальных проблем, 2016. – № 1. – С. 262–273.
4. Чепьюк, О.Р. Социокультурные феномены в условиях экономической самоорганизации // Философия и культура. – № 5.– 2016.– С. 683–688.– DOI: 10.7256/1999–2793.2016.5.19243.
5. Чепьюк, О.Р. Информационно-коммуникативные истоки стагнирующей экономики / О.Р. Чепьюк, А.Н. Фортунатов // Ценности и смыслы, 2016.– №3 (43). – С. 112-119.

6. Чепьюк, О.Р. Экономика знаний и информационное общество: опыт сравнительного анализа // Интеллект. Инновации. Инвестиции, 2016.– №3.– С.108-111.
7. Чепьюк, О.Р. Экономический кризис: императив без адресата / О.Р. Чепьюк, А.Н. Фортунатов // Философия хозяйства, 2016.– №6 (108). – С. 55-63.
8. Чепьюк, О.Р. Энтропия в экономической науке: предвестник конца, или нового начала? // Философия хозяйства, 2016.– № 3(105). – С. 64-72.
9. Чепьюк, О.Р. Модели трансляции знаний в электронном обучении высшей школы / О.Р. Чепьюк, И.О. Воронина // Социология образования, 2016.– №10. – С.40-46.
- 10.Чепьюк, О.Р. Общество рисков: от синергетического к гуманитарному подходу (опыт философского анализа) // Ценности и смыслы, 2016.–№6(40). – С.78-84
- 11.Чепьюк, О.Р. Экономическое «время-пространство» в постнеклассической рациональности/ О.Р. Чепьюк, М.Г. Дёмина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2016.– Том 5. – №6-2. – С. 133-142.
- 12.Чепьюк, О.Р. Социально-философский анализ проблемы становления общества рисков / О.Р. Чепьюк, А.Н. Фортунатов // Современные исследования социальных проблем, 2016.– №4-1 (28). – С. 138-153.
- 13.Чепьюк, О.Р. Кравченко, В.С. Демина, М.Г. От креативной экономики к эстетическому капитализму: к вопросу о роли эмоций в экономической коммуникации // Философия хозяйства, 2018. – №4. – С.70-82.
- 14.Чепьюк, О.Р. Бессубъектность в экономике: социокультурный феномен капитализма // Гуманитарные и социальные науки, 2018. – № 3. – С.36-45.
- 15.Чепьюк, О.Р., Фортунатов, А.Н. Экономика: в поисках постклассической парадигмы исследования // Философия и культура, 2018. – №7. – С.24-31.
- 16.Чепьюк, О.Р. Экономический кризис как феномен бессубъектности: опыт социально-философского анализа // Kant, 2019 – №1. – С.231-238.

17. Чепьюк, О.Р. Неклассические подходы к исследованию лидерства в условиях изменчивой хозяйственной реальности // Kant, 2020 – №1. – С.173-179.

Тезисы докладов конференций и публикации, размещённые в РИНЦ.

1. Чепьюк, О.Р. Кризис хозяйства и социума как результат трансформации статуса субъекта экономических отношений // Сборник статей участников ежегодной научной конференции «Ломоносовские чтения». Секция экономических наук» на тему «Потенциал экономической науки для развития России». – М.: МГУ. – 2017. – С. 228-231.
2. Чепьюк О.Р. На пороге цифровой эпохи: кризис и пути трансформации экономической науки // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. – С. 243-246.
3. Чепьюк О.Р., Воронина И.О. Социально-философские аспекты предпринимательского обучения в вузах // Наука. Технологии. Инновации Сборник научных трудов в 10-ти частях. Под ред. Цыганковой О.Е. Издательство: Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск), Новосибирск, 2017. – С. 65-67.
4. Чепьюк, О.Р. Горылев А.И. Utilizing Case Studies Method in distance training of students in the fundamentals of Entrepreneurship // Украинский, российский и европейский взгляд на воспитание предпринимательского духа и консультацию начинающих предпринимателей, Wien: MANZVerlag, Wien, 2016.– PP. 61-68.
5. Чепьюк О.Р., Ангелова О.Ю., Кравченко В.С., Подольская Т.О. Роль куратора в повышении эффективности молодежного предпринимательства // В сборнике: V Международный Балтийский Морской форум материалы форума. Составитель Кострикова Н.А. – 2017. – С. 1653-1657.

6. Чепьюк, О.Р. Лидерство в гуманизме: жизненный путь В.Г. Короленко // Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 24-26 апреля 2018 г.) / Под ред. А.Н. Фортунатова. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. – 355 с.
7. Чепьюк О.Р. «Цифровое» бессубъектное хозяйство: опыт социально-философского анализа // Ломоносовские чтения-2018. Секция экономических наук. Цифровая экономика: человек, технологии, институты: сборник тезисов выступлений. – М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2018. – С.783-785.
8. Чепьюк, О.Р. Цифровая креативная индустрия: на пути к экономике "эмоций" / Ангелова О.Ю. Подольская Т.О. Чепьюк О.Р. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И, Лобачевского. Серия Социальные науки. – № 2. – 2019. – С.38-43.
9. Чепьюк, О.Р. Социально-философское обоснование инноваций как фактора развития хозяйственной культуры// Ломоносовские чтения-2019. Секция экономических наук. Экономические отношения в условиях цифровой трансформации: сборник тезисов выступлений. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019.– С. 1026-1029
10. Чепьюк, О.Р. Экономический субъект в границах цифрового мира // XI международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д.Белла – 1919-2019)». Санкт-петербургский Государственный Университет, 21-23 ноября 2019 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2019. – С.139-140.
11. Чепьюк, О.Р. «Трудности перевода» в диалоге экономики и культуры: Роль субъекта коммуникации // Русский мир: динамика научного познания: сборник статей участников Международной научно-

- практической конференции (23-25 октября 2019 г.) / отв. ред. С.В. Напалков; науч. ред. Е.В. Валеева; Арзамасский филиал ННГУ, Фонд «Русский мир». – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 380-392.
12. Чепьюк, О.Р. Гуманизм в системе хозяйствования // Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма: сборник материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 16-17 апреля 2019 г.) / Под ред. А.Н. Фортунатова. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. – С. 119-124.
13. Чепьюк, О.Р. К вопросу об экономической гуманитарологии: социально-философские основания альтернативной модели развития экономической науки // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. – Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. – С. 97-100.
14. Чепьюк, О.Р. Креативная экономика и культура: пути взаимодействия / О.Ю. Ангелова, О.Р. Чепьюк // Менеджмент XXI века: образование в эпоху цифровой экономики: сб. научных статей по материалам XVII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19-21 ноября 2019 г. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена. – С. 33-37.
15. Чепьюк, О.Р. Исторический контекст в исследовании мотивации субъекта предпринимательской деятельности // Психология управления персоналом и социальное предпринимательство в условиях изменения технологического уклада. Всероссийская научно-практическая конференция (14-15 ноября 2019 г., Нижний Новгород): сборник статей / под общей ред. проф. Л.Н. Захаровой, доц. М.В. Прохоровой. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 256-261.